

Ю.М. РЕЗНИК

СОЦИАЛЬНАЯ ТЕОРИЯ В РОССИИ: ПОИСКИ САМООПРЕДЕЛЕНИЯ И ВЫХОДА ИЗ КРИЗИСА*

Немного истории

Социальная теория в России, безусловно, имеет давние традиции. Это – труды и учения российских социальных мыслителей второй половины XIX – начала XX вв., которых принято считать социологами¹. На самом деле их социология – нечто большее, чем социология в ее современном понимании, когда за рамки предметной области были условно вынесены социально-философские концепции. Напротив, эти представления о социальной реальности можно отнести к уровню общей социальной теории, включающей в себя, с одной стороны, философские (социально-философские) положения, с другой стороны, разнообразные теории социальных структур и процессов.

Среди наиболее распространенных традиций и исследовательских парадигм в российской социальной теории необходимо выделить позитивизм и субъективизм (неокантианство и психологическое направление), марксизм и религиозные течения (идеал-реализм и пр.).

В качестве идейно-политической основы российской социальной теории XIX – начала XX вв. выступает политическая философия народничества, анархизма, либерализма, марксизма. В истории российской социальной мысли этого периода можно выделить условно три поколения теоретиков общества:

* Статья опубликована в журнале «Личность. Культура. Общество». 2005. Т. 7. Вып. 1. С. 80-99.

¹ Об этом см.: *Голосенко И.А., Козловский В.В.* История русской социологии XIX–XX вв. М., 1995; *Кукушкина Е.И.* Русская социология XIX – начала XX века. М., 1993; *Медушевский А.Н.* История русской социологии. М., 1993; Социологическая мысль в России: Очерк истории немарксистской социологии последней трети XIX – нач. XX в. М., 1993; *Новикова С.С.* История развития социологии в России. М., 1996; *Миненков Г.Я.* Введение в историю российской социологии. Минск, 1993; *Галактионов А.А.* Русская социология XI–XX веков. СПб., 2002; Развитие социологии в России (с момента зарождения до конца XX века). М., 2004 и др.

1) *первое поколение (60–80-е гг. XIX в.)*: представители так называемой натуралистической социологии, или социальной теории (органицизм, географическое направление, ранний или классический позитивизм)²; идейные вдохновители западничества³ и славянофильства⁴; теоретики права и мыслители либеральной ориентации⁵; социальные теоретики народничества⁶ и анархизма⁷; сторонники субъективизма (субъективного метода)⁸;

2) *второе поколение (конец XIX – начало XX вв.)*: представители исторического направления⁹; теоретики-позитивисты и сторонники генетического подхода¹⁰; теоретики-марксисты¹¹; представители неокантианского направления¹²;

3) *третье поколение (20–40-е гг. XX в.)*: теоретики-марксисты¹³; представители религиозного течения в социальной теории¹⁴; теоретики-неопозитивисты¹⁵; идеологи евразийства¹⁶.

Предлагаемый формат статьи не позволяет в полной мере осветить основные идеи социальных теоретиков России первых трех поколений. Как видно, сюда относятся не только авторы оригинальных

² А.И. Стронин (1826–1889), П.Ф. Лиlienфельд (1829–1903), Н.В. Новиков (1933–1994), Л.И. Мечников (1838–1888), Н.Д. Ножин (1841–1866), П.А. Кропоткин (1842–1921) и др.

³ В.Г. Белинский (1811–1848), В.П. Боткин (1811–1869), А.И. Герцен (1812–1870), Т.Н. Грановский (1813–1855), и др.

⁴ А.С. Хомяков (1804–1860), И.В. Кириевский (1806–1856), К.С. Аксаков (1817–1860), Ю.Ф. Самарин (1819–1876), и др.

⁵ Т.Н. Грановский (1813–1855), К.Д. Кавелин (1818–1885), С.М. Соловьев (1820–1879), Б.Н. Чичерин (1828–1904), А.Д. Градовский (1841–1889), и др.

⁶ В.Г. Белинский (1811–1848), А.И. Герцен (1812–1870), Н.П. Огарев (1813–1877), Н.Г. Чернышевский (1828–1889), П.Л. Лавров (1923–1900), Н.К. Михайловский (1842–1904), П.Н. Ткачев (1844–1886), и др.

⁷ М.А. Бакунин (1814–1876), П.А. Кропоткин (1842–1921), и др.

⁸ П.Л. Лавров (1923–1900), Н.К. Михайловский (1842–1904), С.Н. Южаков (1849–1910) и др.

⁹ В.О. Ключевский (1839–1911), Н.И. Кареев (1850–1931), и др.

¹⁰ Е.В. Де-Роберти (1843–1915), М.М. Ковалевский (1851–1916); Н.И. Кареев (1850–1931), Н.М. Коркунов (1853–1904), и др.

¹¹ Н.И. Зибер (1844–1888), Г.В. Плеханов (1856–1818), М.И. Туган-Барановский (1865–1919), В.И. Ульянов-Ленин (1870–1924); А.А. Богданов (1873–1928), и др.

¹² А.С. Лаппо-Данилевский (1863–1919), П.И. Новгородцев (1866–1924), Л.И. Петражицкий (1867–1931), Б.А. Кистяковский (1868–1920), В.М. Хвостов (1868–1920), и др.

¹³ Е.А. Энгель (1887–1932), Н.И. Бухарин (1888–1938), Н.Д. Кондратьев (1892–1938), С.А. Оранский, и др.

¹⁴ П.Б. Струве (1870–1944); С.Н. Булгаков (1871–1944); Н.И. Бердяев (1874–1948), С.Л. Франк (1877–1950), и др.

¹⁵ К.М. Тахтарев (1871–1925), П.А. Сорокин (1889–1968), и др.

¹⁶ В.И. Вернадский (1863–1945), Н.Н. Алексеев (1879–1964), Л.П. Карсавин (1882–1952), Н.С. Трубецкой (1890–1938), Г.В. Флоровский (1893–1979), П.Н. Савицкий (1895–1968), и др.

концепций социально-исторического процесса, представляющие разные теоретические течения (натурализм, позитивизм, субъективизм, неокантианство и пр.), но и представители социально-политических доктрин своего времени (анархизм, народничество, западничество, славянофильство, марксизм, либерализм, евразийство и т.д.). Причем, для первого и второго поколений социальных мыслителей характерна неразделенность их социально-научных позиций и социально-политических убеждений.

В советский период социальная наука была скована жесткими идеологическими оковами и фактически прекратила свое существование. Место социальной теории в этот период прочно занял исторический материализм как официальная идеологическая доктрина.

И лишь в последние десятилетия прошлого века социальная теория стала постепенно возвращать утраченные позиции. Хочу отметить в этот период труды В.Ж. Келле, М.Я. Ковальзона, В.П. Кузьмина, В.Г. Афанасьева, В.С. Барулина и многих других социальных ученых оказали заметное влияние на развитие марксистской теории социально-исторического процесса. Нет необходимости представлять сегодня критический очерк отечественных концепций исторического материализма, претендовавшего в то время на статус общей социальной (и социологической) теории. Укажу только на имеющееся тогда разнообразие версий и интерпретаций социально-научного наследия К. Маркса и его последователей.

Современная социальная теория в России: общее состояние и тенденции развития

Новое поколение социальных исследователей и теоретиков еще только формируется. После резкого отказа от марксистской парадигмы теоретического обществознания в России начался мучительный поиск новых идейно-теоретических ориентаций. В 90-е гг. прошлого века научные симпатии и предпочтения сгруппировались вокруг нескольких парадигм и исследовательских ориентаций:

- 1) социально-теоретические исследования марксистской и неомарксистской ориентации («латентный» или нелегальный марксизм);
- 2) социально-теоретические исследования структурно-функционалистской ориентации, взявшие за основу идеи Т. Парсонса и Р. Мертона;
- 3) социально-теоретические исследования «понимающей» и феноменологической ориентации (примечательно, что к ней условно можно отнести тех исследователей, которые успешно осваивали эти направления еще в советский период в форме критики «буржуазной» теоретической социологии);

4) социально-теоретические исследования, осуществляемые под непосредственным влиянием западных концепций постструктурализма и постмодернизма (в какой-то момент эти «модные» течения стали заполнять теоретический вакуум, образовавшийся в нашей социальной науке).

О своем отношении к постмодернистским увлечениям российских социальных исследователей хотелось бы высказаться отдельно¹⁷.

Итак, постмодернизм себя еще не изжил, хотя так и не стал общепризнанной исследовательской перспективой. Каких-либо других новейших теоретических течений в нашей социальной науке, кроме спекуляций на тему «социальной синергии», «концепции устойчивого развития», «волновых теорий», я пока не знаю. По-видимому, российское общество так и не смогло выйти из теоретического тупика, наступившего вслед за сломом официальной советской идеологии.

Так что же происходит сегодня в отечественной теоретической социальной мысли? Отмечаю лишь несколько важнейших тенденций.

1. Среди значительной части отечественных социальных ученых происходит отказ от *критерия ценностной нейтральности* социально-

¹⁷ В примечании к статье «Социальная реальность постмодернизма: заметки на полях статьи Ю.Л. Качанова «О проблеме реальности в социологии» А.И. Немировская (см.: Socio-Logos-97: Альманах Российско-французского центра социологических исследований. М., 1996. С. 57–80), подчеркивая концептуальную близость с автором указанной статьи, пишет: «Сегодня хороший профессиональный текст постструктуралистской ориентации – редкость. Однако на какую работу, подобную «О проблеме реальности в социологии», по фундаментальности, по новизне, по научной значимости может указать наш социологический истеблишмент, составляющие его многочисленные любители вчерашнего дня социологии, которые противостоят постструктурализму?». Интересно узнать о тех, кто скрывается за этими «загадочными» и «страшными» фигурами противников постмодернизма вообще и постструктурализма в частности. Где они? Пускай откликнутся на полемический призыв А.И. Немировской. Будем рады встретить их по русскому обычаю – «с хлебом и солью». Вызов брошен, но никто или почти никто не собирается поднимать брошенную перчатку. Получается спор ради спора или бой с «ветряными мельницами». Причем неважно с кем – с марксистами, функционалистами или структуралистами классического толка. В том-то и дело, что каких-либо дискусионных баталий с постмодернистами на нашем теоретическом поприще пока что-то не происходит. Все (или почти все), кто не считает себя таковыми, озабочены поиском «хлеба насущного» и в гораздо меньшей степени «выяснением отношений» с коллегами по общему научному фронту. По-видимому, именно этот факт раздражает и выводит из себя сторонников столь новомодного течения, как постмодернизм. Такое невнимание к их персонам они вряд ли могут перенести. Поэтому и пытаются «оживить публику» легкими упреками и взаимными откровениями, желая привлечь к себе внимание научной общественности. Есть вполне оправданные опасения, что постмодернистские бдения уже иссякли, так и не успев дать первые всходы на российской научной почве.

го исследования. За недостатком новых идей многие исследователи стали вновь эксплуатировать гуманизм и марксову концепцию родового человека. Однако, расходясь в частных мнениях, они сходятся в одном: всякая социальная теория аксиологически обоснована (явно или неявно). Вместо того чтобы уходить от ценностей, необходимо, наконец, вернуть их в храм социальной науки. Ценность «объективности» науки столь же мировоззренчески обусловлена, как и ценность признания ценностей в качестве ориентиров того или иного научного исследования.

2. *Технократический подход*, получивший свое теоретическое и практическое выражение в социальной инженерии, по-видимому, себя исчерпал, так как предпочитает преимущественно иметь дело со стабильными социальными системами. «Непредсказуемая непредсказуемость» — так оценивали иностранцы состояние дел в России, посещавшие ее сразу после октябрьских событий 1917 г. и в начале XXI в. В этой ситуации потребность в социальной инженерии как стратегии управления макро-социальными процессами в духе К. Поппера (за исключением социоинженерных разработок на уровне отдельных организаций, маркетинга, управления персоналом и пр.) фактически отпадает. Необходимы технологии исследования «мягких», «неравновесных», «открытых» и динамических систем.

3. Отсутствие фундаментальных исследований в области социальной теории привело фактически к *идейной зависимости* отечественных ученых от теоретического творчества западных коллег. Наверное, это не единственный путь развития. Совершенно очевидно, что поиск истины как объективной ценности предполагает не только открытие «новых» законов социальной реальности или создание новых картин и моделей социальной жизни, но и построение новых координат самого процесса социальных исследований.

4. К сожалению, следует отметить, что социальная теория в ее нынешнем виде (как набор абстрактных схем и схоластических обобщений) не нужна практике, так как она фактически лишена «приводных ремней» — теоретически обоснованных моделей и стратегий общественного развития России. Попытки заимствовать у Запада различные концепции социальных изменений ведут преимущественно лишь к закреплению ситуации нашего научного отставания. Отсюда возникает острая потребность в теоретических разработках, способных не только «объективно» (или «субъективно») объяснить социальную реальность России, но и предложить ей новую стратегию дальнейшего развития.

Особенности функционального кризиса современной социальной теории: уроки для России

В настоящее время социальная теория в России переживает последствия функционального кризиса мировой теоретической мысли. Прежние функции, носившие в основном идеологический характер, исчерпали себя, а новые еще окончательно не утвердились. Определим для начала главные направления *функционального кризиса* современной социальной теории.

Переосмысление традиционных функций социальной теории

Онтологические проблемы современной социальной теории. Мы не знаем общество, в котором мы живем. Находясь в плену различных западных социальных концепций (постиндустриальное общество, информационное общество, постмодерн, общество риска и т.д.), мы так и не вышли на построение собственной онтологической картины социального мира.

Нам нужна новая *социальная онтология*. Концепты конкретно-исторического общества во многом утратили свое значение. Мир уже давно преодолел национально-государственные границы. Нельзя заниматься социальной теорией отдельно взятого общества, не выходя на более широкий геополитический уровень. Трудно применимы к анализу российской действительности и категории постмодернизма.

На первый взгляд, социальная теория изучает социальную (или социокультурную) реальность. Однако не все ученые с этим согласны. «Главная проблема социальной теории — такая же, как и у всех социальных наук — объяснение конкретных процессов социальной жизни»¹⁸. Она состоит из универсальных концептуальных схем и обобщений, обобщений двух типов: известных и неизвестных, о которых участники событий ничего или практически ничего не знают. Социальная реальность, по мнению Э. Гидденса, имеет двойственную природу: индивид-структура и субъективно-символический характер.

Социальный теоретик, с точки зрения Милса, должен ответить на следующие вопросы: «а) какова структура данного общества (из каких компонентов она состоит, как они взаимосвязаны, какое конкретное влияние оказывают); б) какое место занимает это общество в человеческой истории; в) какие типы мужчин и женщин преобладают в данном обществе и в данный исторический период»¹⁹. Он предлагает сделать акцент на изучении связи социальных проблем и частных вопросов (личных за-

¹⁸ См.: Современная социальная теория / Под ред. А.В. Леденевой. Новосибирск, 1995. С. 10.

¹⁹ Там же. С. 102.

бот), в т.ч. фактов личной биографии. Биография, история и общество – точки отсчета в изучении социальных проблем человека.

В современной западной литературе существенному пересмотру подвергаются традиционные социально-научные понятия, например, понятие «социальная система».

Н. Луман известен не только как теоретик автопоэзийных или автопойетических (самоорганизующихся) систем. Понятие «социальная система» фактически тождественно у него всему мировому сообществу. Это – предельная конструкция организации социального мира. Общество включает разнообразные социетальные системы – экономику, науку, искусство, законодательство и пр. Общество описывает и наблюдает себя посредством различных легенд, мифов, идей. Семантика общества или коммуникация по поводу коммуникации есть выражение самоинтерпретации социальных структур. Код как единица семантики позволяет отделять элементы системы от элементов ее среды. В науке применяется код истинности.

Автопоэзийная система создает базовые элементы, составляющие ее структуру. Данная система организует свои границы и внутреннюю структуру. Это – замкнутая система. Ее базовой единицей выступает коммуникация, которая опирается на значение, которое соотносится с другими значениями.

Таким образом, общество описывается в терминах самопостижения и самоизменения. Именно таким представляет общество Луман. Это – самореферентная система, т.е. система, которая соотносится сама с собой.

Эпистемологические и методологические проблемы социальной теории. Мы не знаем, что происходит сегодня в отечественной социальной науке, хотя и уверены, что разбираемся в современном состоянии западной теоретической социологии. Приведем лишь некоторые эпистемологические проблемы и парадоксы современных социальных теорий.

Во-первых, изменились представления о критериях построения социальной теории. На первый взгляд, критерием научности социальной теории можно считать принцип открытости, т.е. признание бесконечности интерпретации. Такая теория направлена на «расширение горизонтов наших представлений и доказательство относительности существующих интерпретаций реальности, каковы бы они ни были»²⁰.

Однако существуют и другие версии *построения социальной теории*.

У Т. Парсонса общая теория систем действия предшествует теории социальных систем, а последняя – социологической теории. Луман,

²⁰ Там же. С. 14.

продолжая во многом традицию Парсонса, строит свою теорию из трех уровней:

- 1) общая теория систем, в т.ч. теория автопойетических систем;
- 2) теория социальных систем;
- 3) теория социетальных, или функциональных, систем (систем типа экономики, науки и пр.).

В качестве научных оснований современной социальной теории Гидденс предлагает следующее: (1) признание активного и рефлексивного характера действия в противовес ортодоксальному консенсусу, согласно которому социальное поведение является результатом сил, не контролируемых человеком; (2) признание фундаментальной роли языка в объяснении и интерпретации социальной жизни; (3) интерпретация значений в зависимости от кода, определяющего восприятие того или иного события²¹.

В моем понимании современная социальная теория включает в себя три компонента: а) метафизические представления о природе социальной реальности; б) общенаучные постулаты о существовании и развитии социального мира; в) обоснование возможности переустройства общества на определенных ценностных основаниях.

В этом смысле она сближается, как справедливо считает Хоркхаймер, с центральными проблемами социальной философии — поисками сущности общества как целого и обоснованием возможности лучшего общества.

Таким образом, современная социальная теория содержит как рациональные построения разного рода: *ценностно-рациональные* (метафизические положения), *научно-рациональные* (общенаучные или общетеоретические положения, ориентированные на критерии «строгой» науки) и *целерациональные* (представления о должном или желательном состоянии общества).

Мировоззренческая ориентация социальной теории. Социальная теория призвана сформировать у исследователей определенную картину социального мира. До недавнего времени социальная наука в России существовала в условиях идеологического господства марксистско-ленинской теории общественного развития.

И все же идейный плюрализм, пришедший на смену одной идеологии, не избавляет социальную теорию от идеологического влияния.

Идеологическую роль социальной теории признают и западные мыслители. По мнению Миллса, всякая теория служит идеологическому оправданию деятельности власти. «Большая теория» обладает идеологиче-

²¹ Там же. С. 9.

ским значением. Миллс критикует социальную науку за абстрактный эмпиризм — особый стиль социального исследования, при котором метод считается важнее проблемы, форма — содержания, а детали — существа дела. Пример идеологических понятий: «удовлетворенность трудом», «образ жизни» и др. Цель школы человеческих отношений Мэйо — урегулировать классовый конфликт, гуманизировать отношения господства и подчинения, смягчить отчуждение труда.

Альтернатива, предложенная Миллсом, — возврат к социологической классике (Маркс, Конт, Спенсер, Вебер и др.). «Каждый работающий социальный ученый должен быть интеллектуальным методологом и собственным теоретиком в том смысле, что он должен быть интеллектуальным ремесленником»²².

Социальная теория, считает Гидденс, возникает как идеологическая реакция на существование средних классов²³. Следовательно, любая теоретическая концепция содержит в себе идеологическую ориентацию. Вопрос заключается лишь в способах аргументации и мере использования политических средств борьбы с оппонентами.

В последние 10–15 лет в стане социальных ученых России можно выделить по идеологическому признаку три категории:

1) ученые либеральной ориентации, сформировавшиеся вокруг общества «шестидесятников» и разделяющие в основном демократические убеждения;

2) ученые-консерваторы, пытающиеся совместить традиционные устои российского общества советского периода с необходимостью частичных социально-экономических перемен в жизни современной России;

3) ученые-прагматики, не имеющие четких идейных убеждений и легко приспособившиеся в условиях идейно-теоретического хаоса и возрастающей бюрократизации науки и научного сообщества.

Таким образом, традиционные функции социальной теории (онтологические, эпистемологические и мировоззренческие) претерпели существенные изменения. Они, хотя и утратили свою преимущественно идеологическую направленность, но так и не приобрели нового качества теоретических обобщений.

Поиск и обоснование новых функций социальной теории

Критическая перспектива социальной теории. Мы не только не знаем природу социального мира, но и не во всем принимаем существующий социальный порядок. Предшественники школы критической теории (Те-

²² Цит. по книге: История теоретической социологии. Т. 4. С. 98.

²³ Там же. С. 189.

одор Гайгер и др.) считали, что вряд ли возможен объективный анализ социальной реальности без учета идеологических наслоений и влияний, которые привносятся в социальную науку.

Рефлексивная теория, преодолевая тупики критической теории, должна унаследовать, вместе с тем, ее критическую функцию (функцию социальной критики). За последние 15–20 лет в российском обществе произошли радикальные изменения, повлиявшие на наши представления. Значит ли это, что социальная наука должна стать оппозиционной наукой, опровергающей официальные идеологемы существующей власти? Если принять это, то неизбежно ее превращение в политическую идеологию, например, идеологию «научного капитализма».

К сожалению, мы не прошли еще стадию критического и радикального развития социальной теории и практически не имеем опыта рефлексивной социологии. Как известно, на смену классической теории приходит постклассическая, а затем постнеклассическая теория. Отечественная социальная мысль, перейдя к постклассической стадии развития, так и не вобрала в себя новые тенденции, характерные для западной науки.

Поясним вкратце различие между «классикой» и «постклассикой». Классическая теория в стремлении объяснять «объективный» социальный мир:

- не всегда различает явление и сущность;
- сводит человека к объекту;
- противопоставляет факты ценностям.

Постклассическая (в т.ч. критическая) теория пытается определить причины, по которым необходимо изменить существующий социальный порядок. Диалектическая версия критической теории ориентирована уже на преодоление дилемм типа «объяснение-изменение», «структура-действие», «культура – социальная структура», «макро-, микроуровни социальной реальности».

Критическая теория характеризуется следующими чертами:

- ориентация на ценности, противопоставление принципу свободы от ценностей принципа сознательной приверженности ценности «эмансипации человека»;
- рефлексия своей исторической обусловленности, прежде всего историчности понятий, описывающих общество (убеждения людей зависят не только от внешних (материальных) условий их жизни);
- исследование целостности общества (постулат интегративности понятий);
- эмпирический анализ действительности (постулат индуктивности понятий, индукция как нахождение общего в частном).

Критическая теория вводит в данную схему еще один аспект – практику преобразования общества. Критическая перспектива социальной теории – это отрицание социальным целым (обществом) возможностей свободного бытия личности.

К сожалению, отечественная социальная мысль, хотя и испытала на себе влияние функционализма, так и не прошла этап развития критической теории, перескочив сразу в постмодернистскую перспективу.

Миллис, критикуя Парсонса, предлагает изменить методологический ракурс исследования общества. Социологическое воображение – особый угол зрения, методологический инструмент, прием социального ученого, в основе которого лежит идея о том, что индивид может осмыслить свой жизненный опыт, только поместив себя в рамки своего времени и своего общества²⁴. Именно поэтому в критической перспективе общество анализируется с точки зрения возможности его трансформации в более свободное²⁵ (Ю. Хабермас).

Рефлексивная перспектива социальной теории. Очень возможно, что мы не знаем то, что может или должна изучать социальная теория. Рефлексивная теория не тождественна теории социальной (социокультурной) реальности вообще. Она исследует не саму природу социальной реальности, а условия, при которых эта реальность может быть представлена и преобразована тем или иным образом. Ее предмет изучения – разнообразные картины и модели изменения социальной реальности.

Суть рефлексивной социальной теории и социологии состоит, по мнению Гоулднера, в отнесении собственной рефлексивной позиции к близким сторонам социального мира – родному университету, своей профессии и ассоциациям и самому себе. Он считает, что анализ структуры науки должен быть тесно увязан с анализом структуры общества²⁶.

В структуре деятельности социального теоретика Гоулднер выделяет, как известно, несколько уровней реальности:

- 1) личностный, или персональный: личный опыт теоретика;
- 2) метафизический: неявные базовые представления о природе человека и общества;
- 3) политический: господствующая идеология и освободительный потенциал личности ученого (либерализм и пр.);
- 4) инфраструктура теории (внутринаучная реальность).

²⁴ Там же. С. 101.

²⁵ Немецкая социология. СПб., 2003. С. 417.

²⁶ Гоулднер А.У. Наступающий кризис западной социологии. СПб., 2003. С. 188.

Следовательно, социальные теоретики имеют дело с двумя типами реальности – ролевой и персональной. Ролевая реальность – это то, что теоретики должны изучать, овладевая профессией. Персональная реальность состоит из фактов повседневной жизни, в которой человек выступает в качестве обыденного существа²⁷. Она формируется в жизненном опыте ученого, в процессе его переживаний и личных впечатлений. Для того чтобы понять, кто такой социальный теоретик, его персональную реальность, необходимо знать, как он живет и чем занимается²⁸.

С точки зрения Гидденса, рефлексия по поводу социальных процессов предполагает постоянный и непрерывный процесс вхождения, выхода и повторного вхождения в универсум описываемых событий²⁹.

На стадии формирования рефлексивной социальной теории общество и личность рассматриваются, по Гидденсу, как открытые рефлексивные проекты, т.е. они становятся тем, о чем можно размышлять, что можно изменять и даже формировать. Личность становится ответственным субъектом за себя, свою индивидуальность, свое тело и жизнь. Вместе с тем, она превращается в продукт самопознания и самоизучения.

Рефлексивные возможности участников социальных ситуаций, их активная реакция на ситуацию и аргументы в условиях выбора создают для социальной теории дополнительную сферу приложения³⁰. Актуальной в этом смысле становится функция формирования «институциональной рефлексивности» в обществе.

У Хабермаса «теория строится на основе рефлексии необходимости новых концептуальных средств для анализа общества в изменившихся социально-исторических условиях...»³¹. В связи с этим остро встает проблема *субъекта* социально-теоретического познания, в качестве которого тот же Гоулднер видит интеллектуалов или культурную буржуазию, обладающую культурным капиталом. Автономия – это идеология нового класса, социальная же теория – орудие его познания. Необходимо критически отрефлексировать глубинные предпосылки и фоновые допущения социального знания вообще, свою классовую принадлежность. Самопознание через самоорганизацию (создание «общин теоретиков»), и самоорганизация посредством самопознания. Нельзя отрывать критику общества от самокритики теории. Символическим капиталом обладают

²⁷ Там же. С. 194.

²⁸ Там же. С. 196.

²⁹ См.: Гидденс Э. Устроение общества. М., 2003. С. 31.

³⁰ Современная социальная теория / Под ред. А.В. Леденевой. Новосибирск, 1995. С. 13.

³¹ Немецкая социология. СПб., 2003. С. 417.

многие категории интеллектуалов. Однако не все из них выходят на уровень рефлексивной теории общества.

Практическая переориентация социальной теории. Мы не знаем, как и куда идет наше общество, какое место в этих процессах должна или может занимать социальная наука. Социальная инженерия, явившаяся в определенной мере технократической попыткой рационализации социально-управленческих решений, не получила дальнейшего развития. Новые социальные и гуманитарные технологии пока не получили своего теоретического обоснования. А социальная праксиология, пройдя длительный путь от социальной утопии к инженерии, остановилась перед стеной цинизма, жестокости и бесчеловечности (аморальности) современных политических и информационных технологий.

В последнее десятилетие становится все более очевидно, что современная социальная теория не может стоять в стороне от социально-политических изменений.

Еще в середине прошлого века А. Гоулднер сформулировал основные *политические задачи* социального теоретика:

1) искать свою собственную общину, которая обеспечила бы возможность интеллектуального познания и рационального общения для практического создания условий человеческой эмансипации;

2) сотрудничать с теми слоями и движениями, развитие которых идет по пути эмансипации человечества;

3) заниматься сознательно анализом политики, чтобы иметь возможность не быть втянутыми в чужую игру;

4) строить свои отношения с политическими силами и субъектами должно на основе принципов организационной автономии и формального неучастия в их деятельности;

5) не подчиняться дисциплине этих партий и движений, формировать собственную гражданскую позицию.

Предпосылки или основания познания и изменения этой реальности — вот предмет рефлексивной социальной теории.

Об одной «полезной» социальной концепции и возможностях ее практического применения. Тем не менее, отмечая идейно-теоретическую зависимость отечественных ученых от их западных коллег, нельзя отказываться от теоретически обоснованных концепций общественного развития. Вопрос необходимо поставить по-другому: как использовать эти концепции и идеи для регулирования социокультурных процессов России? Другими словами, необходимо переосмыслить практическую направленность и функцию самой социальной теории.

Еще в начале 90-х гг. прошлого века в журнале «Вопросы социологии» была опубликована статья Кармеля Камиллери «Идентичность и управление культурными несоответствиями: попытка типологии»³². Приведу лишь некоторые важные, на мой взгляд, практические приложения к анализу социокультурного опыта России.

В условиях противостояния между Западом и Востоком, Севером и Югом, развитыми и развивающимися странами происходят отклонения и нарушения в процессах социокультурной идентичности личности и общности. Посягательство на основополагающие ценности и смысл бытия народов и стран заставляет их искать разнообразные стратегии избавления от идентичностных конфликтов. В этой связи Камиллери предлагает три типа стратегий: с помощью простой и сложной когерентности, или посредством смягчения конфликта между культурными кодами³³.

Воспользуемся этой концептуальной схемой для характеристики сегодняшней социально-политической ситуации в российском обществе.

1. Для большинства политических сил России, расположенных справа или слева от политического центра, характерна, прежде всего, стратегия *простой идентичности*. Ни одна из этих партий не собирается жить в мире с другими, не ослабляя и не уничтожая своих противников. Среди них имеются свои конкретные типы или разновидности («фундаменталисты», «тотальные консерваторы», «оппортунисты»).

Фундаменталисты. Те, кто готов идти до конца, отстаивая незыблемость исходных идейных принципов и установок. В наших условиях — это коммунисты и радикальные либералы, две главные противоборствующие сегодня силы на политической арене, которые предлагают прямо противоположные картины реальности и модели общественного развития.

Тотальные консерваторы. Те, кто готов при условии сохранения своей онтологической чистоты и политической незапятнанности отдать практические функции другими партиями и силам. Таких у нас практически нет. Отдельные признаки этого типа встречаются, правда, у «Яблока» и некоторых других партий либерально-демократической ориентации. Делегирование практических полномочий такими партиями — скорее, от осознания бессилья, чем от присутствия силы, помноженной на конструктивную активность.

³² См.: Вопросы социологии. 1993. № 1-2.

³³ Простая когерентность свойственна субъектам, разрешающим проблему объективного противоречия путем ликвидации одной из его сторон, а сложная — ситуация, когда субъект создает новую формацию с учетом всех противостоящих элементов и сторон.

Конъюнктуристики или оппортунисты. Третья группа руководствуется стратегией «конъюнктурного чередования кодов» или регистров. Общим для представителей данного типа является следующее: субъекты переходят свободно от одной культурной системы к другой, пока им это выгодно или удобно. Яркий пример – партия Жириновского.

Итак, если у фундаменталистов преобладает «онтологический минимум», то у двух последних – «прагматический минимум».

2. Стратегия избавления от конфликта идентичности с помощью *сложной когерентности* является сегодня преобладающей для политического центра России, и прежде всего «партии власти».

Для этой стратегии характерны следующие черты: присвоение старому нового названия (значения), диссоциация, органическое соединение противоположностей, завышенная оценка духа в ущерб букве, приостановление применения ценности. Данная стратегия позволяет отсталым регионам России адаптироваться к современной реальности: при сохранении их самобытности сохраняется возможность инвестировать частично западные инновации.

Стратегия сложной идентичности реализуется сегодня партией власти в отношении большинства населения и федеральным центром по отношению к сепаратистски настроенным регионам России.

3. Стратегия *смягчения конфликта между кодами* находится на стадии осмысления. При наличии разных, противоречащих друг другу онтологических схем действительности и практических программ вряд ли можно прийти к полному консенсусу. Легче смягчить социокультурные различия между их носителями. Именно данная стратегия представляется мне наиболее перспективной для России как многонациональной, поликонфессиональной страны и поликультурного пространства.

Ее суть заключается в следующем:

а) дифференцированное уравнивание противостоящих ценностей (разные ценности могут иметь для тех или иных групп разный вес и масштаб, пример: конфликт между поколениями на почве образования);

б) ограничения, накладываемые на вопрос, который воспринимается как мучительный: можно жить в общей культуре, не затрагивая ее сущностных основ и придерживаясь собственных ценностей («межевые знаки», «красные флажки»);

в) систематическое чередование кодов (смена образа действий и онтологических картин в зависимости от объективных обстоятельств или родов деятельности, например: разное поведение человека на работе и дома, личная дружба между политиками разных ориентаций и т.д.).

Первые две стратегии присущи, на мой взгляд, предгражданскому состоянию российского общества. Третья, последняя стратегия является предпосылкой для формирования механизмов гражданского согласия и институтов гражданского общества, которые нам еще предстоит построить, если мы намерены идти в русле общецивилизационного процесса.

Таким образом, социальная теория, при всей слабости и противоречивости ее нынешней позиции в научном сообществе и в обществе в целом, призвана вырабатывать концептуально значимые и методологически обоснованные модели общественного развития, характерные для гражданского состояния. По существу, она представляет собой саморефлексию нарождающегося гражданского общества, осознающего себя посредством конвенциональных действий солидарных личностей и групп совокупным субъектом социальных преобразований.

Трудности роста и поиски самоопределения социальной теории (рефлексивной и критической по своей сути) связаны напрямую с процессами становления гражданского общества в России. Ее же будущее зависит, в частности, от того, сможет ли социально-научная общественность страны предложить обществу долговременную и эффективную стратегию идентичности посредством смягчения и преодоления конфликта между культурными кодами различных субъектов гражданского общества.

Рефлексивно-практическая теория против бюрократизации социальной науки. Функциональный кризис социальной теории означает, вместе с тем, и *кризис сообщества* социальных ученых в России, выражающийся, прежде всего, в бюрократической деформации их научной деятельности.

Бюрократический этос социальной науки и идеологическая ангажированность социальных ученых — явления отнюдь не сегодняшнего дня. Это имеет место как в советской, так и западной науке. К этому следует добавить еще некоторые тенденции, связанные с теоретическим самоопределением отечественного обществознания: с одной стороны, копирование и упрощение некоторыми отечественными исследователями западного опыта социального теоретизирования, с другой — формирование «доморощенных» образчиков осмысления действительности, апеллирующих главным образом к социокультурной или национально-культурной специфике России.

Бюрократизация социальной науки имеет сегодня явно выраженные корпоративно-клановые признаки. Важно не то, какую позицию в науке ты занимаешь, а то, с кем ты поддерживаешь свои отношения, кто входит в круг твоего повседневного общения, на кого ты как исследователь делаешь ставку в продвижении своих научных проектов и планов.

Так, например, сегодня трудно получить научный грант, если у тебя нет группы поддержки в соответствующих фондах и учреждениях. Дать или не дать тому или иному ученому деньги на проведение научных исследований – решает узкий круг лиц, имеющих свои собственные интересы и субъективные пристрастия.

Сделать карьеру в науке молодому исследователю значительно легче, если он принимает правила игры определенного сообщества – научного «клана» (а не школы), у которого есть свой отец-основатель (не путать с основателями научных школ), адепты и подражатели. При этом совершенно не учитывается различие в научных представлениях и предпочтениях представителей данного клана.

С этой точки зрения, предложенное Миллсом деление ученых на интеллектуалов-администраторов и исследователей-покровителей в наших, отечественных, условиях работает далеко не в полную силу. У нас нет системы подготовки профессиональных кадров для организации науки. Хороший *менеджер науки* – это большая редкость. Наши администраторы от науки не всегда являются интеллектуалами, а наши «могущественные» покровители и главы научных кланов редко сами занимаются систематическими исследованиями, вносящими сколько-нибудь ощутимый вклад в развитие фундаментальной теории.

Корпоративные лица отечественной социальной науки выступают сегодня в двух статусных позициях: те, кто принимает решения, улавливая малейшие перемены в политической конъюнктуре (академики, руководители большинства научно-исследовательских институтов), и те, кто участвует в подготовке и экспертизе этих решений («советники» и «эксперты»), получая прямые выгоды от сотрудничества с администрацией. И те, и другие претендуют на определенные уровни получения научного признания и других социальных благ.

На «периферии» этого корпоративно-бюрократического «центра» находятся *лидеры научных направлений*, чей авторитет сопряжен исключительно с их научными достижениями и в меньшей степени их противостоянием с бюрократическим корпусом, *ученые-одиночки* – авторы собственных научных концепций, получивших широкое признание в научном сообществе, но не обладающие определенным влиянием в руководящих кругах, и масса *исследователей* и исполнителей проектов, не располагающих достаточными научным потенциалом и ресурсами.

Фактически деятельность лидеров направлений и ученых-одиночек блокирована корпоративно-бюрократической общностью, которая контролирует условия продвижения по лестнице научной иерархии и способы получения средств профессионального существования – зарплаты,

возможности беспрепятственной защиты диссертаций и получения ученых степеней, званий, грантов и пр.

В социально-научном сообществе преобладают сегодня стратегии простой и сложной когерентности. Как и в большой политике, в его деятельности продолжают доминировать «онтологический минимум» (для старой, сложившейся еще в советский период, элиты) и «прагматический минимум» (для «новой», использующей свои предпринимательские возможности и административные ресурсы, элиты).

Где же выход? Возможно, он состоит в формировании новой стратегии – стратегии *смягчения конфликта между кодами*, реализация которого состоит в «разделении» труда между основными отрядами социально-научного сообщества: ученые производят новые знания (модели и картины социальной реальности); социальные технологи и преподаватели их транслируют и тиражируют; специально подготовленные менеджеры науки создают организационные условия для успешной деятельности первых двух категорий.

Остается только надеяться, что рядом с этим корпоративно-бюрократическим болотом прорастет молодая поросль, способная не только созидать теоретические концепции нового уровня и сформировать из своей среды новое поколение менеджеров науки, но и принять на вооружение стратегию *смягчения конфликта между кодами* различных отрядов научного сообщества.

Корпоративно-бюрократическая логика развития социальной науки, основанная на стратегии простой когерентности и противопоставляющая ученых («людей науки») и бюрократов (людей, далеких от интересов науки), противоречит принципам самоорганизации научного сообщества как важнейшего института гражданского общества.

Преодолеть ее сможет только поэтапное реформирование научного сообщества в рамках стратегии *смягчения конфликта между кодами* и на принципах демократии и идейного плюрализма. Поэтому в задачу рефлексивно-практической теории входит не только анализ (и критика) факторов бюрократизации и бюрократической деформации социальной науки, но и практическое обоснование условий формирования граждански ориентированной научной элиты.